

Через два с половиной года я поступил в очную аспирантуру на кафедру русского языка Самарского педагогического института. В тот год в аспирантуру по разным специальностям было принято около двадцати человек — ассистенты со всех факультетов нашего Тюменского пединститута.

Моим научным руководителем стал доктор филологических наук профессор Алексей Александрович Дементьев, великолепный ученый, историк языка. В своих изысканиях он был очень самостоятельным, никогда не поддавался «обаянию авторитета», на все имел собственное мнение. Поражал нас, аспирантов, его тонкий юмор. Мы чувствовали внимание Алексея Александровича как руководителя, но мелочная опека была ему чужда. Каждый из нас был увлечен своей темой и обсуждал с научным руководителем только принципиально важные вопросы.

Не забываю Алексея Александровича, не забываю его жизненных уроков. Рассказываю о нем своим студентам. Впрочем, они знают это имя. Ведь вся лингвистическая Россия давно уже постигает старославянский и древнерусский языки по его прекрасным книгам — четким, логически безупречным.

Диссертацию свою я написал вовремя. Она была обсуждена на заседании кафедры и получила положительную оценку. А через некоторое время пришла телеграмма от Бориса Ивановича, заведующего кафедрой: «Леонид Анатольевич, завершайте свои научные дела. Ждем работу». Было начало сентября 1968 года.

Владимир Геннадьевич Богомяков

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ТЮМЕНСКИХ УЛИЦ

*(фрагменты ненаписанной книги
«Тюмень земная и небесная»)*

Б 1. **Бюст.** Есть у меня такой друг Петр Журавков. В отличие от многих людей, которым угодно называться предпринимателями, а на самом деле они просто мелкие спекулянты, или алкоголики, не способные долго работать на одном месте, или аморальные типы, решившие по-легкому, с помощью одного шахермахера срубить денег, так вот, в отличие от всех этих людей, Петр Журавков — настоящий предприниматель. Чувствуется в нем природно-купеческая жилка.

И вот несколько лет назад на улице Советской построили магазин «Пассаж», обычное буржуазное заведение средней руки. И был бы «Пассаж» малоинтересным обыкновенным магазином, если бы не стоящий в нем бюст Петра Журавкова. Бронзовый бюст в стиле классицизма XVIII века, словно бы созданный Шубиным или Воронцовым. Петя изображен весьма, надо сказать, похожим, с браво закрученными усами и гордо приподнятой головой. И, чтобы никто не сомневался, на бюсте и выбито было «П. В. Журавков». Бюст стоял на великолепной подставке из малахита. Отношение посетителей магазина к нему было самым различным. Кто-то говорил недоуменно: «А это еще кто такой?!» Наверное, думал, что перед ним один из новых хозяев России вроде Чубайса или Авена. Другие, те, кто Петю знал, считали его одним из владельцев магазина, у которого началась мания величия, после того как фишка слишком хорошо легла.

На самом же деле произошло следующее. Некий человек хотел, чтобы власти отвели ему под строительство магазина место на улице Советской. А власти

не отводили. И Петя с человеком поспорил, что сможет ему в этом деле помочь. Тогда человек, имея, конечно, в кармане много тысяч долларов, и говорит: «Ладно. Если это дело выгорит, то обязуюсь поставить, Петя, в выстроенном магазине твой бюст». Так все и получилось: и власти место отвели, и магазин на том месте был построен, и в магазине поставлен бюст Петра Журавкова. Сейчас, правда, у магазина уже другой хозяин и бюст стоит у Пети дома.

История эта при всей ее крайней незамысловатости очень мне нравится. Есть в ней некий элемент купеческого ухарства или куража. Купцы в Тюмени до революции вообще развлекались с самобытным сибирским юмором. Одна редкая книга, повествующая о нравах их, сообщает, что они покупали у крестьян стога сена, обливали их водкой, поджигали и голые «танцевали вокруг них аллилуйю». А рядом с нами, на Урале, купцы летом засыпали улицу солью, запрягали лошадей в сани и катались по этой соли как по снегу.

2. **Дорожная, 7.** Конец 80-х—начало 90-х годов в Тюмени был ознаменован всплеском литературно-музыкальной активности. Была создана «Инструкция по выживанию», которая с самого начала оказалась не просто музыкальной группой, но чем-то неизмеримо большим — «социально-музыкальной формацией», как ее называли участники проекта. Другой не менее популярной группой стала «Культурная революция». В Тюмени жил тогда Мирослав Немиров, несомненно, один из наиболее одаренных современных русских поэтов, писавший весело и смело на фоне бесконечного слюнявого рифмоплетства про березки, что почему-то считалось необыкновенной «духовностью». Жил Алексей Михайлов, поразивший всех своей «Межлокальной контрабандой», про которую до сих пор читаю бесконечные дискуссии в Интернете: графоманство это или же творение гения? Жил Ник Рок-н-ролл, который сам есть безусловное произведение искусства, правда, иногда любоваться им лучше на расстоянии. Подолгу жила Янка, она была тогда живой, прекрасной и устремленной вперед; многие ее

Мирослав НЕМИРОВ

ВОДОЕМЫ ТЮМЕНИ

Струков А сообщает.

Самый главный, конечно, — река Тура, на которой был основан и, Промыслом Божиим, продолжает стоять город. Река — судоходная и, при желании, по ней можно уплыть, через Иртыш и Обь, аж в Северный Ледовитый океан. Если же вам, сдуру, придет мысль искупаться в ней, то выйдете на берег, сияя красивой радужной пленкой, которая нежно покроеет все ваше тело. Если же вы одуреете настолько, что начнете нырять вниз головой, то рискуете вообще не выйти на берег — под водой можно напороться на массу каких-то там и тут торчащих железных конструкций.

Купаться обычно ездят на Верхний Бор или на Андреевское озеро. Здесь следует, конечно же, рассказать об этих озерах тем, кто туда ездил, что там видел. Я затрудняюсь вспомнить что-либо, кроме того, что не купались, ну пили там же водку, а еще минеральную воду прямо из подземного источника.

Жарким летом 1998 г. стало модно ездить на озеро Мулаши — это чуть дальше Андреевского, по той же трассе, потом налево уходит дорога-серпантин, виляющая по лесу прямо как в Крыму. Проверено: ехать по ней туда, к озеру, гораздо дольше, чем обратно к трассе. Время, правда, не засекали, но факт остается фактом, и это могут засвидетельствовать десятки людей.

Само же озеро Мулаши, похоже, возникло на месте котлована, из которого добывали песок для строительных нужд. Оно живописно лежит посреди соснового бора, так что умиротворяющий сосновый аромат хорошо вдыхается даже на середине водоема, когда лежишь на его поверхности, тупо уставившись в небо.

Вода в озере на удивление голубая, т. е. не серая или позеленевшая от водорослей, какой положено быть озерной воде, но романтического цвета морской волны. Одни говорят, что это из-за

глины на дне, которая весьма целебна для ног, страдающих тромбофлебитом. По другим же сведениям, вода сия ужасно опасна для здоровья, поскольку содержит в себе какую-то «палочку» и заражена чуть ли не сифилисом.

Как бы то ни было, автор этих строк, будучи уверен, что сифилис возникает несколько по иным причинам, многократно окунался в эту экзотическую воду в компании с Неумовым Р., Питкевич Н. и другими старотюменщиками в течение июля–августа 1998 г. и ничего – носы у всех на месте. Больше того, Мулаши остаются одним из ярчайших воспоминаний о том необычайно солнечном и дружном лете, про которое та же Питкевич сказала: «Как будто оно дано нам напоследок перед концом света». Во всяком случае, оно стало последним в жизни выдающегося тюменщика Александра Ковязина, вывозившего нас тогда на Мулаши почти ежедневно.

Итак, сочетание зеленого бора, золотого песка и голубой воды под голубыми небесами дает все основания называть Мулаши тюменской Ривьерой, излюбленным местом отдыха горожан, о чем свидетельствуют его берега, забытые машинами настолько, что припарковаться всегда проблематично.

данно пригласили работать. Что я там делал, совершенно не помню. Скорее всего – ничего. Правда, помогал немного Музею современного искусства, который действовал около года в здании, где сейчас находится художественный салон (На ул. Республики, рядом с магазином «Новинка»). В Музее современного искусства мы провели с Мишей Федосеенковым один из самых интересных в моей жизни поэзовечеров (нас слушало человек 6). Ездили, как помнится, даже в Свердловск, приглашали тамошних авангардистов принимать участие в наших выставках. Было в Свердловске в то время такое интересное место – «Станция вольных почт» по адресу Ленина, 11...

Так вот, ХНПЦ «Ускорение», где Алексей Михайлов был одним из главных лиц (может быть, каким-нибудь замом), арендовал для совершенно неясных целей дом на Дорожной, 7. Это был пятикомнатный совершенно пустой дом на тихой окраине. Имелись при нем баня, гараж и некое подобие огорода. Комендантом дома был назначен Артур Струков. Дом топился углем, и Артур ругал-

песни написаны были в Тюмени. И многие-многие другие удивительные и замечательные люди жили тогда здесь. Тюмень, безусловно, оказала очень сильное влияние на современное искусство. Об этом свидетельствуют несколько московских тюменфильских кружков, немировская «Тюменская энциклопедия» и проч.

Мир вокруг нас стремительно меняется. Тюмень конца 80-х–начала 90-х кажется чем-то, ушедшим в далекое прошлое. Люди, бывшие тогда бунтарями и анархистами, если не умерли, стали православными монархистами и государственниками. Пьяницы и алкоголики стали поборниками здорового образа жизни (некоторые – вынужденно). Искавшие Бога нашли его за церковной оградой...

Один из домов, связанных для меня с этим бурным временем, – это одноэтажный частный дом по Дорожной, 7. Расцвет его приходится на конец 1988 – начало 1989 гг: в это время там существовала своего рода творческая коммуна с постоянно меняющимся составом. Это было время автостопа, митьковского фольклора («Ночь скрыла все. Прибой шумит во тьме. Максим, дрожа, на кухне воду пьет»), дискуссий о предоставлении Солженицыну гражданства и серьезного отношения небольшой группы граждан к словам «Punk's not dead». Это было также время, когда под эгидой комсомола возникали всякие непонятные организации: в 1988 году был создан хозрасчетный научно-практический центр «Ускорение», куда меня не ожи-

ся на меня и Яну, когда мы топили недостаточно ловко. Дом был ценен своей хорошей звукоизоляцией, и можно было громко играть на всяких музыкальных инструментах, не боясь помешать соседям. Артур пишет, что именно на Дорожной, 7 он принял решение креститься: долгими зимними вечерами, когда все разъезжались, он параллельно читал «Идиота» Достоевского и Евангелие. Потом Яна уехала в Новосибирск, Артур — в Москву и дом этот постепенно захирел. Мне говорили, что там обитали какие-то бомжи, странники и проезжающие хиппаны. Они влезали в окна, так как ключ от дома давно потерялся.

3. **Цыгане.** За рекой, в поселке Нефтяников и «на песках» традиционно селились цыгане. Нынешняя молодежь, насколько мне известно, ездит к цыганам за анашой (а может, и не только за анашой), хотя, скорее всего, уже и не ездит, поскольку наркотики продаются на каждом шагу. А в 1986–1988 гг. мы ездили к цыганам за водкой. Это были годы антиалкогольного указа: очереди в винные магазины занимались с утра. Чтобы купить водку, надо было простоять минимум 6–8 часов. Поэтому распространение получила практика продажи своей очереди. Существовали, как помню, льготные очереди для тех, у кого день рождения, а также очереди для ветеранов. У дверей магазина стоял милиционер и строго следил за очередностью. Особенно фундаментальной была очередь на Новый год: стояли сутки, а то и двое и жгли костры...

И вот в создавшейся ситуации было да выхода: или не пить, как того и добивался М. Горбачев, или ехать за водкой к цыганам. Поездка к цыганам всегда оказывалась удивительным романтическим приключением. Нужно было поймать такси или частника и, изрядно ему приплатив, помчаться по ночному городу туда, за мост, где жили хитрые цыгане. Самый сюрреализм начинался, когда у цыган кончалась водка. Рассказывают, что как-то под Новый год «на песках» выстроилась очередь машин за одеколоном. Потом милиция стала проводить облавы, поэтому таксисты довозили страждущих только до определенного места, а дальше они сами должны были шлепать пешком километра полтора. И все это ради того, чтобы иметь возможность выпить полстакана сивушно-маслянистой жидкости, в которой не только сорока, но и тридцати-то градусов вряд ли набралось бы.

В память о том удивительном времени мое стихотворение тех лет.

КАРМЕН

Щелкунчик в нос.

Щелкунчик в ухо.

Щелкунчик серая старуха.

А у старухи злая дочь,

Которая не любит Дорз.

У дочери друзья — ханыги,

Которые кладут на книги.

Кладут с янтарными глазами

И молодыми волосами.

Так, причесав свою бородку,

Старуха уважает водку.

И дочь ее, идя на сходку,

В карман засовывает водку.

Друзья ее, как неформалы,

Пьют, елы-палы, что папалы.

Был день седьмой. Был вечер. Ночь.

Старуха и старухи дочь

И сонм невиданных ханыг

Затеяли искать занык.
 Но водку выпили и выпили до капли:
 И запах то ли псины,
 То ли мокрой древесины.
 Во лбу горит паскуда-неизвестность.
 И, словно цаплин клюв,
 В окне торчит древесность.
 И был среди них один — ханыга Даниил.
 Смиренье, кроткий нрав
 Он с детства сохранил.
 Поэтому ему кричат прямой наводкой:
 «Послушай, Даниил, давай-ка дуй за водкой».
 Ах, в этом городе, беспечном и нелепом,
 Ах за прибацанною речечкой-рекой
 Цыганы вольные живут в избушках. Хой!
 Живут и в ус не дуют. Бухлом они торгуют.
 Упал наш Даниил в какое-то такси.
 Давай, давай, браток.
 Давай, браток, вези. Туда, где что-то там
 Трам-там «в пустых равнинах,
 Ослы в перекидных корзинах
 Мужья и братья, жены, девы.
 Крик, шум, цыганские напевы».
 И ночь, глаза свои приблизив,
 Застыла и уставилась в лицо.
 Поможет Бог, поможет дева,
 Поможет вед, поможет веда.
 Поможет нам Великое Кольцо.
 И не хотелось больше водки.
 Хотелось одну Кармен.

Людмила Ильинична Крекнина

ЛИК ТЮМЕНИ В «ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ» ИППОЛИТА ЗАВАЛИШИНА

В статье впервые анализируются «Путевые заметки» И. И. Завалишина в контексте жанра путешествий и писем А. Н. Радищева, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и др. Иронические литературные реминисценции при изображении хозяйственной и культурной жизни пореформенной Тюмени актуализируются диалогом с «патриотичным» редактором «Тобольских губернских ведомостей».

ЛПервый номер тюменского литературно-художественного историко-краеведческого журнала «Лукич» за 2000 год представил нам замечательную возможность ознакомиться с впервые после газетной публикации переиздаваемыми «Путевыми заметками» Ипполита Ириарховича Завалишина о Тобольской губернии¹.